Слово редактора

Виктор Вахштайн

К социологии академического мира

Один из самых распространенных в мировой культуре мифологических сюжетов повествует о непростых взаимоотношениях двух братьев, один из которых умный, успешный, богатый и абсолютно беспринципный, а второй — бедный, глуповатый и до отвращения честный. Если бы сегодня кто-то взялся написать книгу под названием «Социология науки и социология образования», ее сюжетная линия скорее всего основывалась бы именно на такой мифологии. Хотя в языке чиновника «наука и образование» — это устоявшееся клише (уже не имеющее никакого отношения ни к науке, ни к образованию), в социологии сложно помыслить две исследовательские области, так далеко отстоящие друг от друга.

Социология науки в XX веке была одним из самых продуктивных и заметных направлений исследований. Именно здесь формулировались новые инсайты и концептуализации, которые затем массово экспортировались в другие «поля». Классики нашей дисциплины считали своим долгом отнестись к проблематике социальных оснований научного знания. Социологи науки первыми реагировали на новые философские веяния и первыми же от них отказывались. Мало какая другая дисциплинарная область может похвастаться таким пантеоном имен: от Роберта Мертона до Брюно Латура. И хотя сегодня мы все чаще констатируем утрату теоретического драйва после заката последних амбициозных проектов в этой сфере (уход программы Sociology of Scientific Knowledge [Collins, 1985; Labinger, Collins, 2001], превращение проекта Science and Technology Studies в набор унылых эмпирических зарисовок о развитии «технонауки» [Woolgar, 1991], расцвет архаичной институциональной социологии знания, под-

Вахштайн Виктор Семенович — заведующий кафедрой теоретической социологии и эпистемологии философско-социологического факультета ИОН РАНХиГС, профессор Российско-Британского университета МВШСЭН («Шанинка»), кандидат социологических наук. E-mail: avigdor2@yahoo.com
Victor Vakhshtayn — Chair in Sociological Theory and Epistemology (RANEPA), Professor of Sociology (Russian-British Postgraduate University Moscow School of Social and Economic Sciences). E-mail: avigdor2@yahoo.com

мену исследований поверхностной политизированной риторикой), никому из ныне живущих социологов не придет в голову отрицать ту роль, которую эта субдисциплина сыграла в предыдущие десятилетия. Рискну сформулировать более радикальный тезис: без социологии науки не было бы социальной теории второй половины XX века.

Социология образования начисто лишена подобных амбиций. Она не потеряла теоретического драйва, потому что его у нее никогда не было. Если социологи науки всегда активно вмешивались в актуальные теоретические споры [Линч, 2013; Pickering, 1995; Соколов, Титаев, 2013], социологи образования намеренно от них дистанцировались. Яркий пример — реакция на «поворот к практике» [Хархордин, Волков, 2009; Вахштайн, 2008]. Социологи науки отвечают на модное в 1970-80-х годах веяние «Конечно! Новая концептуализация!» и начинают изучать производство научного знания в незаметных рутинных, нерефлексивных действиях ученых [Lynch, 1993]. «Вы с ума сошли? Мы тут серьезным делом занимаемся!» — отвечают социологи образования и продолжают описывать институциональные барьеры, затрудняющие переход детей из определенных социальных групп в старшие классы средней школы [Константиновский и др., 2010].

Если классики социологии и заходили в исследования образования, то только для того, чтобы поставить ногу своей все объясняющей теоретической схемы на грудь еще одного поверженного эмпирического объекта [Bourdieu, 1988]. Изучению разного рода «паттернов и стратегий образовательной политики» [Рощина, Лукьянова, 2010; Вахштайн, Мешкова, Железов, 2005; Chirikov, 2010] социологи образования посвятили столько времени, сколько социологи науки никогда не уделяли политике научной (хотя регулярно пытались описать само производство научного знания как форму политического действия).

И все же у этих двух областей есть общая зона пересечения, общий объект (впрочем, совершенно по-разному «выводимый на монитор» укорененными в них языками описания) — университет. Для социолога образования университет мало чем отличается от иных образовательных учреждений. Он уверенно фреймируется как что-то, «куда поступают» и «откуда выпускаются». Для социолога науки университет — это место, где делают карьеру, публикуются, борются за символические и материальные ресурсы, зомбируют студентов и аспирантов во имя «академического воспроизводства» и — если верить Михаилу Соколову — ищут смысл своей неудачной научной жизни. Социолог образования видит университет как производную от взаимодействия студентов и администраторов, социолог науки — как ареал обитания профессорского сословия. (Впрочем, та самая, уходящая в прошлое Социология Науки университетами интересовалась мало, традиционно предпочитая аудиториям лаборатории.) Сегодня нужно быть утонченным администратором-на-

блюдателем [Розовски, 2015], чтобы увидеть всю карикатурность двух этих игнорирующих друг друга логик описания университета.

Если мы всерьез планируем сделать шаг от «социологии науки» и «социологии образования» в сторону новой «социологии академического мира», нам потребуется серьезное обновление собственного эпистемического инструментария и прежде всего новая метафорика университета. Университет как «машина, творящая богов» [Московичи, 1998]? Университет как «объект привязанности» [Кнорр-Цетина, Брюггер, 2006]? Университет как «оптическая система», способная проводить операции различения сообразно собственному когнитивному стилю [Fuchs, 2001; Степанцов, 2012]? Где именно возникнет ресурс новой концептуализации — в социологии техники, социологии религии, социологии города, социологии культуры, — пока неясно. Этот тематический выпуск «Социологии власти» — просто еще одна попытка найти общую ресурсную базу для двух активно игнорирующих друг друга направлений.

Номер открывает статья Михаила Соколова о социологической профессии как «автофабрикации» — ненамеренном самообмане, иллюзии, возникающей из спонтанного неконтролируемого желания социологов почувствовать себя настоящими учеными. За этим тезисом, однако, стоит серьезная работа автора с проблематикой жанра академического текста, теорией смысла и квазирелигиозными представлениями ученых о бессмертии. В своих комментариях на статью Соколова мы с Олегом Хархординым попытались отнестись к тем возможностям, которые открывает предложенная Соколовым концептуализация благой академической жизни.

Статья Катерины Губы посвящена механизмам отбора рукописей в американских журналах. Исследуя разные стратегии поиска новых авторов, заполнения портфелей, рецензирования статей (бесконечный источник рефлексии для редакции «Социологии власти»), автор пытается объяснить причины и следствия заката столь привычного для российских научных журналов способа сетевого рекрутинга. Тему публикационных стратегий продолжает Марианна Соколова, в фокусе исследования которой — российский индекс научного цитирования. Предлагая оригинальную (хотя и несколько РИНЦ-центричную) модель анализа, автор последовательно описывает ту сеть акторов, которая складывается в индустрии «показателей результативности научной деятельности».

Принципиально иной взгляд на академический мир — через «одиноко светящиеся окна» университета — предлагают в своей статье Михаил Агапов и Федор Корандей. Отталкиваясь от интеракционистской идеи «ситуативных сообществ», авторы анализируют кейсы самоорганизации неформальных интеллектуальных групп в университетской среде. Интересный сюжет, который актуален прежде всего для вузов, связанных с производством современных (военных) технологий, рассматривается

в статье Евгении Поповой. По мере того как российские университеты встраиваются в глобальные сети международного сотрудничества, университетские ученые и исследователи начинают восприниматься как потенциальная угроза национальной безопасности. Автор детально анализирует те стратегии, к которым прибегают университеты в попытке пройти между Сциллой глобализации и Харибдой технонационализма.

При подготовке этого номера мы не ставили перед собой задачи создания новой концептуальной рамки исследований академического мира. Пока что сам этот концепт выглядит крайне неопределенно и меняет свое содержание всякий раз, когда мы переходим из региона социологии науки в поле социологии образования. Мы лишь попытались наметить ту повестку дня и те теоретические ресурсы, с которыми, возможно, предстоит работать будущим исследователям этой проблематики.

Библиография

Вахштайн В. С. (2008) «Практика» vs «фрейм»: альтернативные проекты исследования повседневного мира. Социологическое обозрение, 7 (1).

Вахштайн В. С., Мешкова Т. А., Железов Б. В. (2005) Основные тенденции государственной политики в сфере высшего образования в странах ОЭСР. *Вопросы образования*, (2).

Кнорр-Цетина К., Брюггер У. (2006) Рынок как объект привязанности: исследование постсоциальных отношений на финансовых рынках. Социология вещей, М.: Территория будущего.

Константиновский Д. Л., Вахштайн В. С., Куракин Д. Ю. (2010) *Реальность образования и исследовательские реальности*, М.: ГУ ВШЭ.

Линч М. (2013) Развивая Витгенштейна: решающий шаг от эпистемологии к социологии науки. Пер. с англ. А. Корбута. Социология власти, (1–2).

Московичи С. (1998) *Машина, творящая богов*, М.: Центр психологии и психотерапии.

Розовски Г. (2015) Университет: руководство для владельца, М.: ГУ ВШЭ.

Рощина Я. М., Лукьянова К. А. (2010) Образовательные и экономические стратегии обучающихся, М.: ГУ ВШЭ.

Степанцов П. (2012) Как «видят» университеты: от теории организаций к социальной топологии. *Социология власти*, (4–5).

Bourdieu P. (1988) Homo Academicus, Stanford: Stanford University Press.

Chirikov I. (2010) Divided We Fall: Collaboration Strategies. *International Higher Education*, (58).

Collins H. (1985) *Changing order: Replication and induction in scientific practice*, London: Sage.

Fuchs S. (2001) *Against* Essentialism: A theory of culture and society, Cambridge: Harvard University Press.

Labinger J., Collins H. (2001) *The One Culture? A Conversation about Science*, Chicago: University of Chicago Press.

Lynch M. (1993) *Scientific practice and ordinary action: ethnomethodology and social studies of science*, Cambridge: Cambridge University Press.

Pickering A. (1995) *The mangle of practice time, agency, and science,* Chicago.

Woolgar S. (1991) The turn to technology in social studies of science. *Science, Technology and Human* Values, 16 (1).

References

Bourdieu P. (1988) *Homo Academicus*, Stanford: Stanford University Press.

Chirikov I. (2010) Divided We Fall: Collaboration Strategies. *International Higher Education*, (58).

Collins H. (1985) *Changing order: Replication and induction in scientific practice*, London: Sage.

Fuchs S. (2001) *Against Essentialism: A theory of culture and society*, Cambridge: Harvard University Press.

Knorr-Cetina K., Bruegger U. (2006) Rynok kak ob'ekt priviazannosti: issledovanie postsotsial'nykh otnoshenii na finansovykh rynkakh [The Market as an Object of Attachment]. *Sotsiologiia veshchei*, M.: Territoriia budushchego.

Konstantinovskii D.L., Vakhshtayn V.S., Kurakin D.Iu. (2010) *Real'nost' obrazovaniia i issledovatel'skie real'nosti [Reality of Education and Research Realities]*. M.: GU VShE.

Labinger J., Collins H. (2001) *The One Culture? A Conversation about Science*, Chicago: University of Chicago Press.

Lynch M. (1993) *Scientific practice and ordinary action: ethnomethodology and social studies of science*, Cambridge: Cambridge University Press.

Lynch M. (2013) Razvivaia Vitgenshteina: reshaiushchii shag ot epistemologii k sotsiologii nauki [Extending Wittgensteinian: The Pivotal Move from Epistemology to the Sociology of Science]. *Sotsiologiia vlasti*, (1–2).

Moskovici S. (1998) *Mashina, tvoriashchaia bogov [The Machine for the Creation of God]*, M.: Tsentr psikhologii i psikhoterapii.

Pickering A. (1995) *The mangle of practice time, agency, and science*, Chicago.

Roshchina Ia. M., Luk'ianova K.A. (2010) *Obrazovatel'nye i ekonomicheskie strategii obuchaiushchikhsia [Educational and Economic Strategies for Students]*, M.: GU VShE.

Rosovski H. (2015) *Universitet: rukovodstvo dlia vladel'tsa [The University: An Owner's Manual]*, M.: GU VShE.

Stepantsov P. (2012) Kak «vidiat» universitety: ot teorii organizatsii k sotsial›noi topologii [Through the Eyes of Universities: From Organisational Theory to Social Topology]. *Sotsiologiia vlasti*, (4–5).

Vakhshtayn V.S., Meshkova T.A., Zhelezov B.V. (2005) Osnovnye tendentsii gosudarstvennoi politiki v sfere vysshego obrazovaniia v stranakh OESR [Trends in Higher Education Politics in OECD Countries]. *Voprosy obrazovaniia*, (2).

Vakhshtayn V.S. (2008) 'Praktika' vs 'freim': al'ternativnye proekty issledovaniia povsednevnogo mira [Practice vs Frame: Alternative projects of Everyday Life Research]. *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 7 (1).

Woolgar S. (1991) The turn to technology in social studies of science. *Science, Technology and Human Values*, 16 (1).